

Оригинальная статья / Original article

УДК 325.81

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-108-120>

ИСКУССТВО БЫТЬ НЕАССИМИЛИРОВАННЫМ СТРАТЕГИИ ШЭНЭХЭНСКИХ БУРЯТ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ

© М.С. Михалев

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а.

Аннотация. Потомки агинских бурят, откочевавших в первой половине XX века в Китай, и в настоящее время проживают в местности Шэнэхэн, недалеко от российско-китайской границы. Многими бурятами в России они воспринимаются как истинные носители аутентичной народной традиции, при этом считается, что знание ими традиционной бурятской культуры может и должно быть востребовано на их исторической родине в интересах национального возрождения. В то время как сам факт сохранения традиционной культуры в инокультурном окружении ни у кого не вызывает сомнений, факторы, благодаря которым это стало возможным, а также стратегии противодействия ассимиляции, которые были с успехом применены шэнэхэнскими бурятами, до конца не проанализированы. В данной статье предпринимается попытка объяснить феномен живучести культуры шэнэхэнских бурят близостью мест их компактного проживания к государственной границе между Россией и Китаем, которая позволяет им избегать любых попыток воздействия со стороны государства.

Ключевые слова: Китай, шэнэхэнские буряты, традиционная культура, самобытность, ассимиляция, пограничье, лиминальность, модернизация, национальное возрождение, миграции.

Формат цитирования: Михалев М.С. Искусство быть неассимилированным. Стратегии шэнэхэнских бурят в контексте российско-китайской границы // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 108–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-108-120

THE ART OF NOT BEING ASSIMILATED STRATEGIES OF SHENEHEN BURYATS IN THE CONTEXT OF RUSSIA-CHINA BORDER

© M.S. Mikhalev

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
32a Leninskiy ave., Moscow 119991, Russian Federation

Abstract. Descendants of Aga Buryats, who migrated from Russia to China in the beginning of the XX century, still inhabit the grasslands of Shenehen region located in the Autonomous District of Inner Mongolia in the close vicinity of Russia-China border. Many Buryats in Russia consider their kinsmen living in Shenehen to be a sort of custodians of their traditional culture and believe that their knowledge and experience could be helpful for restoring Buryat identity in Russia also. While no one questions the phenomena of the traditional cultural intactness in Shenehen, the underlying factors that helped local Buryats save it, as well as the strategies that they applied for this purpose have not been yet thoroughly studied. This paper elaborates on the case of the remarkable cultural stubbornness of the Shenehen Buryats and attributes their successful resistance to any attempts of assimilation to their proximity to the state border that allows them to ward off any encroachments of the state on its culture.

Keywords: China, Shenehen Buryat, traditional culture, cultural identity, assimilation, borderlands, liminality, modernization, ethnic revival, migrations

For citation: Mikhalev M.S. The Art of Not Being Assimilated. Strategies of Shenehen Buryats in the Context of Russia-China Border. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 108–120. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-108-120

Этнолокальная группа шэнэхэнских бурят: краткая история вопроса

Шэнэхэнские буряты представляют собой довольно небольшую¹, но при этом географически четко локализованную группу бурят, проживающих на территории Эвенкийского национального хошуна Городского округа Хулун-буир Автономного района Внутренняя Монголия в КНР². Свое имя они получили по названию местности Шэнэхэн, расположенной в южной части вышеупомянутого региона³. Отдельные бурятские семьи из близлежащих к

¹ В связи с тем, что буряты не учитываются официальной китайской статистикой как отдельный народ, их численность можно определить лишь примерно. В источниках приводятся разные оценки, но при этом все они, как правило, находятся в диапазоне от 6 тысяч (Бороноева, 2000. С. 59) до 7 тысяч человек (Бао Луфан, 2003. С. 84). As Buryats are not treated as an official minority in China, their number can be estimated only approximately. Different sources provide different estimations, but always within the range of six thousands (Boronoeva, 2000. p. 59) to seven thousands people (Bao Lufang, 2003. p. 84).

² Эвенкийский национальный хошун, основанный 1 августа 1958 года, расположен в центральной части городского округа Хулун-буир, к югу от железной дороги Маньчжурия – Харбин. Административным центром является поселок Наньтун. Хошун занимает территорию 18 726 кв. километров, располагается между горно-таежной зоной предгорий Большого Хингана и Хулунбуирской степью, протяженность с севера на юг 187 километров, с востока на запад 173 километра. Климат континентальный, с суровой и продолжительной зимой и коротким, прохладным летом.

Evenk autonomous banner was established on the 1st of August, 1958. It is located in the central part of Hulunbuir city, south of Manzhouli – Harbin railroad, and sandwiched between the mountainous taiga of Greater Khingan Range and the Hulunbuir grassland. Administrative center is Nantun. Autonomous banner occupies the territory of 18726 sq. km, it is 187 km long, and 173 km wide. The climate is continental, winters are long and cold, and summers are short and relatively cool.

³ Административно, это сомоны Шэнэхэн Баруун (буряты составляют 90 % населения) и Шэнэхэн Зуун (буряты составляют 63 % населения) (Сюй Чжанцзян, 2016. С. 277, 279). Территориально эти два сомона занимают почти пятьдесят процентов площади всего Эвенкийского национального хошуна.

Shenehen consists of Shenehen West and Shenehen East, where Buryats account for 90 % and 63 %, respectively (Xu Zhanjiang, 2016. p. 277, 279). Territorially, these two

Китаю областей Российской империи стали переселяться на территорию северо-востока страны еще до Октябрьской революции 1917 года. Во многом это было связано с проводившимися в те годы административными реформами и наплывом переселенцев из центральных областей страны. В 1918 году, уже после революции, часть проживавших в агинских степях бурят, представлявших наиболее обеспеченные слои кочевого общества, не разделявших политики новых властей страны, приняла решение окончательно откочевать на территорию соседнего государства. Китайское правительство проявило в их отношении гостеприимство, выделив в пользование земли в районе реки Шэнэхэн-гол, до того в течение многих лет пустовавшие в связи с эпидемией чумы. В дальнейшем, драматические события гражданской войны в России привели к тому, что в 1922 году на территории нынешнего Эвенкийского хошуна проживало уже около семисот бурят, которых к тому времени разделили на четыре национальных бурятских сомона. Миграции различной интенсивности из СССР в Китай, вызванные, в том числе, и такими неоднозначными процессами, как насильственная коллективизация и религиозные гонения, продолжались до середины 30-х годов XX века. В результате, к 1931 году число бурят, проживавших в Китае на территории созданных к тому времени восьми национальных сомонов, объединенных в национальный бурятский хошун, возросло до трех тысяч человек (Бороноева, 2000. С. 51). Именно с этого времени стало возможным говорить о появлении особой этнолокальной группы шэнэхэнских бурят.

Пережив в дальнейшем японскую оккупацию, послевоенные депортации в СССР и массовые репрессии, а также непростые годы культурной революции, шэнэхэнские буряты смогли сохранить возникшее в результате переселения в Китай новое самосознание и этническую сплоченность. Вплоть до настоящего время они довольно компактно проживают на территории Эвенкийского национального хошуна, с этнографической точки зрения представляя собой особую этнокультурную группу

somons occupy almost fifty percent of the area of the Evenki National Khoshun.

Рис. 1. Шэнэхэнский шаман. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, май 2010 г.

Fig. 1. Shenehen shaman. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. May 2010

со своими уникальными характеристиками. Несмотря на это, властями страны шэнэхэнские буряты до сих пор не признаются в Китае в качестве отдельной национальности и рассматриваются здесь как особая субэтническая группа в составе монголов. Впрочем, это не помешало им в гораздо большей степени, чем живущим по соседству эвенкам или, к примеру, даурам, а в чем-то даже успешнее, чем обладающим собственной автономией монголам, сохранить свою самобытную национальную культуру. Здесь до сих пор с полным размахом отмечают национальные праздники, справляют традиционные свадьбы, с удовольствием употребляют в пищу национальную еду, используют в повседневной жизни национальную одежду и в совершенстве владеют бурятским языком. Немаловажно, что бурятам КНР удалось также частично сохранить традиционный образ жизни и полукочевую форму хозяйствования. При этом все местные жители практически единогласно, безотносительно

своей национальной принадлежности, заявляют, что именно шэнэхэнские буряты являются одной из самых успешных в экономическом плане этнических общин всего северо-востока Китая. К тому же, они являются довольно активной в социальном отношении группой, которая отличается сильно развитым чувством этнической солидарности [ПМА].

Неудивительно в этой связи, что, когда в 90-е годы прошлого века между Россией и КНР был несколько ослаблен пограничный режим и российские буряты смогли заново открыть для себя потаенный, китайский уголок своей национальной культуры, интерес к шэнэхэнским бурятам быстро перешагнул рамки чисто научного интереса и праздного любопытства, практически в одночасье превратившись в важный элемент республиканского нациестроительства. По меткому выражению М.Н. Балдано, возможность использования уникального опыта зарубежных диаспор, и в особен-

Рис. 2. Шэнэхэнка готовит традиционное угощение. Окрестности г. Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, сентябрь 2009 г.

Fig. 2. Traditional food preparation. Near Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. September 2009

ности опыта шэнэхэнских бурят, стала «ресурсом культуротворчества для бурятской интеллигенции, а в масштабе всей республики и в аспекте ее отношений с федеральным центром – потенциальным фактором политического риска» (Балдано, 2015. С. 285). В Эвенкийский хошун зачастили как экспедиции серьезных ученых, так и региональные десанты чиновников из Агинского автономного округа и Улан-Удэ. Не остались в стороне и представители средств массовой информации, которые с радостью ухватилась за потенциально броский сюжет о затерянном бурятском рае, где жизнь течет как прежде и где былинная старина все еще актуальна. «Заповедник бурятского духа» ожидаемо стал своего рода маяком надежды в пустыне сомнений, а шэнэхэнские буряты превратились в «носителей бурятской аутентичности» (Балдано, 2015. С. 288). С тех пор прошло довольно много времени, и романтический ореол хранителей древней культуры, которым их наделяли на рубеже веков, постепенно

сменяется более объективным представлением о том, чем же в действительности являются буряты Шэнэхэна, а также – чем именно они отличаются от тех бурят, что проживают на территории Российской Федерации.

Среди российских исследователей, в настоящее время занимающихся шэнэхэнскими бурятами, можно отметить таких ученых, как М.Н. Балдано, Д.Ц. Бороноеву, С.Н. Болдохонова, С.Ж. Балданова, И.Г. Актамова, Л.С. Дампилову, С.Д. Гымпилову. К сожалению, большая часть их публикаций по данному вопросу, как правило, посвящена фиксации тех или иных особенностей культуры бурят КНР или интерпретации их непростой истории. В то же самое время серьезных работ, ставящих своей целью понять, как именно и почему этой довольно небольшой группе оторванных от основной массы своих соплеменников бурят действительно удалось сохранить многое из того, что было безвозвратно утеряно теми, кто проживал

Рис. 3. Продажа пищевых продуктов российского производства на рынке в Китае. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, февраль 2017 г.

Fig. 3. Selling Russian foodstuffs at the market in China. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. February 2017

в СССР, а затем и в России, появляется не так много. Ярким исключением здесь являются работы упоминавшейся уже выше М.Н. Балдано (Baldano, 2012; Балдано, 2015). В этой связи представляется, что несколько отчужденный, но при этом заинтересованный взгляд со стороны на ситуацию в Шэнэхэне мог бы оказаться весьма полезным и актуальным. Такой анализ мог бы приблизить нас к пониманию того, как небольшой группе бурят, оказавшихся волей исторических судеб в чужом государстве, удалось отстоять здесь свою культурную самобытность и хозяйственную самостоятельность в условиях постоянного давления со стороны инокультурного окружения. Не просто отстоять, но и стать в результате для оставшихся на исторической родине соплеменников определенным культурным маяком. Именно этот вопрос и именно в такой трактовке и находится в фокусе данной работы,

посвященной феномену отказавшихся ассимилироваться шэнэхэнских бурят.

Сохранение традиционной культуры: дореформенный период

Сам факт того, что шэнэхэнским бурятам удается в течение достаточного протяженного периода времени сохранять существенную часть традиционной материальной культуры в неизменности, сомнению не подлежит. Это отмечают и ученые, и представители средств массовой информации, и простые туристы из России, посетившие Шэнэхэн. Как поэтично отмечает по этому поводу «Агинская Правда»: «В Хулунбуирских степях, в Шэнэхэне, сохранился заповедный уголок бурятского духа, культуры и языка» («Шэнэхээн Бууса»... , 2013). Немаловажно в этой связи и то, что схожей точки зре-

Рис. 4. Пекарня в Наньтуне. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, февраль 2017 г.
Fig. 4. Nantun bakery. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. February 2017

ния придерживаются и сами шэнэхэнские буряты. Они не без гордости сообщают о том, что именно им, оказавшимся волею судеб на далеком пограничье Китая, удалось сберечь многое из того, что было безвозвратно утеряно в СССР. Отношение к этому факту у разных людей может, однако, различаться. Бесспорно, большинство бурят России и немалая доля бурят КНР считают сохранение народных традиций в Шэнэхэне положительным явлением. Некоторые даже видят в нем источник будущей исторической миссии шэнэхэнских бурят, призванных помочь бурятам России возродить утраченные теми народные традиции. «...Именно в качестве территории незыблемости традиций, этническая группа шэнэхэнских бурят и интересна на исторической родине, и востребована ею» (Бороноева, 2011. С. 189). Впрочем, находятся и те, кто полагает, что абсолютная неизменность культуры в течение столь продолжительного исторического

периода не может сама по себе считаться достижением, ведь подобная ситуация является следствием того, что сам народ переживает стагнацию и не имеет возможности по-настоящему эту культуру развивать. По меткому выражению одного из информантов в поселке Дульдурга Агинского Бурятского округа, шэнэхэнские буряты только потому продолжали делать рубленые буузы, что в наличии у них не было достаточного количества мясорубок [ПМА].

Любопытно, кстати, что именно это традиционное блюдо бурятской кухни, до сих пор изготавливаемое многими шэнэхэнцами по старинке, в какой-то степени стало символом приверженности группы своим корням, и словосочетание «шэнэхэнские буузы» прочно вошло в лексикон жителей Бурятии и Забайкальского края, став здесь синонимом добротной пищи и верности традициям. На самом деле шэнэхэнцы преуспели не только в приготовлении традиционных бууз. В самом Китае не меньшим спросом пользуется еще и русский хлеб, который они до сих пор выпекают вручную и который к блюдам бурятской кухни отнести никак нельзя. Скорее, по-настоящему примечательным следует считать тот факт, что многие бурятские хозяйки, в том числе и довольно молодые, до сих пор предпочитают готовить пищу *самостоятельно*, не слишком полагаясь на продукты из магазина или заведения общепита. Это действительно отличает их и от бурят в России, в большинстве своем позабывших традиционные способы приготовления пищи, и от их соседей в самом Китае, также давно отошедших от старинных методов ведения домашнего хозяйства.

То же, кстати, можно сказать и в отношении еще одного аспекта традиционной материальной культуры бурят – одежды и обуви, которую во многих шэнэхэнских семьях до недавнего времени изготавливали самостоятельно. Как отмечает в своем исследовании шэнэхэнских бурят Д.Ц. Бороноева: «Шитьем одежды занимаются только женщины. Они умеют шить все, что необходимо: традиционные дэгэлы <...>; шапки для четырех времен года <...>; обувь зимнюю и летнюю...» (Бороноева, 2000. С. 88). В то время как в наши дни этот навык постепенно утрачивается, здесь, в Шэнэхэне, все еще

Рис. 5. Современная буузная. Город Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, февраль 2017 г.

Fig. 5. Shenehen baozi shop. Nantun bakery. Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. February 2017

встречаются отличные мастера по пошиву национальной одежды. Их биографии даже публикуются в краеведческих сборниках (Сюй Чжанцзян, 2016. С. 293–305). Немаловажно при этом, что спрос на их продукцию среди соплеменников остается стабильно высоким. В результате, на центральном рынке Наньтуна, к примеру, с успехом работают несколько специализированных павильонов, торгующих бурятской национальной одеждой, которую охотно приобретают для своих повседневных нужд как пожилые, так и молодые шэнэхэнцы. По утверждению некоторых из них, это связано, в том числе, и с тем, что отсутствие у человека традиционной одежды во время национального праздника или бурятской свадьбы, к примеру, может считаться просто-напросто постыдным [ПМА].

По уверению многих информантов в Шэнэхэне, такая стойкая приверженность бурят КНР своей традиционной материальной культуре объясняется тем, что именно ее образцы в наилучшей степени

удовлетворяют потребности, обусловленные их образом жизни и хозяйственным укладом [ПМА]. В определенной степени с этим можно согласиться, ведь окружающая среда и преобладающие формы хозяйствования действительно определяют как доступные материалы и способ производства, так и те или иные конкретные потребности, которые предметы этой самой материальной культуры призваны удовлетворить. В свою очередь, сохранность хозяйственного уклада, которая также отмечается всеми исследователями, многие шэнэхэнцы, не склонные к излишней сентиментальности, объясняют отсутствием на протяжении многих десятилетий каких-либо иных возможностей для применения своих сил в условиях ограничений, накладываемых на жителей окраинных районов страны китайской экономической и социальной моделью. Другими словами, можно предположить, что поразительная сохранность традиционной материальной культуры у бурят КНР вызвана не какой-то осо-

Рис. 6. Шэнэхэнский дацан. Окрестности г. Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, сентябрь 2009 г.
Fig. 6. Shenehen dazan. Near Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. September 2009

бой чертой их характера или вмененной им исторической миссией, а элементарной невозможностью выйти за рамки традиционных методов ведения хозяйства, особенностям которых данная культура соответствует в наибольшей степени. Именно этим можно объяснить и тот факт, что в то время как многие буряты в России искренне восхищаются тем, что в Шэнэхэне сохраняется народная культура, лишь единицы всерьез задумываются над тем, чтобы переехать в КНР и начать жить здесь по заветам предков. В это же самое время поток переселенцев в обратном направлении существует.

Следует признать, что столь прямолинейная трактовка может быть пригодна лишь для объяснения феномена сохранности материальной культуры у бурят Шэнэхэна. В то же самое время не менее удивительная живучесть их духовной традиции требует более вдумчивого подхода. Действительно, не в меньшей степени, чем буузы или дэгелы, исследователей из России приводит в восхищение

аутентичность обрядов и сохранность песенной культуры, которые они также имеют возможность наблюдать в Шэнэхэне. Особняком при этом стоит традиционная бурятская свадьба, которая в настоящее время празднуется в своем наиболее полном виде именно у бурят КНР. В то время как фольклористов ожидаемо привлекает внешняя, красочная сторона свадебной обрядности, нам будет важно в этой связи отметить и то, что свадьба в Шэнэхэне и в наши дни выполняет исконно присущую ей социальную функцию, являясь важнейшим элементом поддержания внутриобщинных связей. Как подчеркивают многие информанты в России, в шэнэхэнской свадьбе их больше всего привлекает именно то, какой масштаб принимает здесь посещение родственников и обмен подарками и какую важность придают ему сами участники. Кроме того, как подчеркивают уже сами шэнэхэнцы, свадьба это еще и повод в лирической, песенной форме напомнить молодым о ценностных ориентирах

Рис. 7. Шэнэхэнский лама. Окрестности г. Наньтун, Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-Буир, Автономный район Внутренняя Монголия. Фото М. Михалева, сентябрь 2009 г.
Fig. 7. Shenehen lama. Near Nantun, Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District. Photo by M. Mikhalev. September 2009

традиционного бурятского общества и в то же время акцентировать непреходящий характер семейных идеалов [ПМА]⁴.

На самом деле, традиционные семейные ценности действительно очень сильны в среде шэнэхэнцев. Искреннее уважение к старшим и решающая роль, которая отводится здесь мужчине, хотя и вызывает временами неудовольствие у женщин или среди молодежи, редко подвергается сомнению. Незыблемость семейного уклада, в свою очередь, не только ведет к жесткой фиксации межпоколенческих связей, но и резко обособляет этнолокальную группу от своего окружения, сооружая на ее внешних границах непреодолимый барьер для

⁴ Интересно, что в то время как поучительные свадебные песни действительно продолжают бытовать среди бурят Шэнэхэна, менее серьезные жанры, такие как традиционный танец *ёхор*, не пользуются здесь такой всенародной популярностью, как, к примеру, у бурят России.

It is interesting to note, that while didactic wedding songs are still common among Buryats in Shenehen, less serious music genres like traditional dance *yohor* are not as popular here as, for instance, among Buryats in Russia.

иноплеменников. Интересно, что и сами шэнэхэнские буряты, и китайцы, живущие с ними по соседству, а также не в меньшей степени и буряты, проживающие в России, подчеркивают, что именно эта прочность и непроницаемость семейно-родовых структур для посторонних является одним из основных слагаемых выживания бурятской общины в КНР. Примечательно в этой связи, что межнациональные браки между бурятами и китайцами-ханьцами практически не регистрировались в прошлом и крайне редки даже сейчас, когда социальная мобильность населения Китая значительно возросла. При этом нежелательность смешанных браков подчеркивают как китайцы-ханьцы, так и сами шэнэхэнские буряты, которые, однако, считают, что браки с русскими или, к примеру, японцами, следует приветствовать [ПМА]. Другими словами, ни ассимилирующее, ни ассимилируемое сообщества в этом случае не проявляют ни малейшего интереса к установлению долгосрочных контактов между собой. Как утверждает в этой связи М.Н. Балдано: «Судьбу группы определило уникальное сочетание её полной незаинтересованности в аккультурации (тем более – ассимиляции) в принимающем обществе с отсутствием внешнего давления последнего (до культурной революции)» (Балдано, 2015. С. 291).

Таким образом, можно сказать, что ту резистентность к воздействиям внешней среды, которая действительно характерна для шэнэхэнских бурят, во многом обеспечивает особая значимость, которой в их представлении обладают род и семья. В результате, подчеркнутая строгость и незыблемость семейных традиций, а также та важная роль, которую семейные институты продолжают играть в процессе обучения и в сфере регулирования межнациональных отношений, вносят немалую лепту в незыблемость традиционного уклада жизни бурят Китая и препятствуют их полной или частичной ассимиляции. Возникающее в итоге замкнутое моноэтническое сообщество, сохраняющее при этом тесные диахронические связи, оказывается способным сохранять в неизменности и свой язык, который в этом случае оказывается самодостаточным, и свои уникальные модели поведения. Подводя итог, можно утверждать, что успешное сопротив-

ление шэнэхэнских бурят политики ассимиляции со стороны Китая можно объяснить неизбежностью их хозяйственного уклада, способствующего неизменной актуальности предметов их материальной культуры, крепостью семейных устоев и замкнутостью социальных структур, усиленной сильными диахроническими связями между поколениями, а также взаимной неприязнью друг к другу бурят и китайцев-ханьцев.

Стоит отметить, что удивление исследователей вызывает тот факт, что шэнэхэнским бурятам удается успешно дистанцироваться не только от китайцев, но и от близкородственных им монголов, несмотря на то, что в соответствии с официальной позицией государства в КНР, они составляют с теми единую общность. Действительно, ни одинаковая религия, ни общая история, ни распространение идей панмонголизма в среде бурят, ни даже обучение на монгольском языке не смогли заставить шэнэхэнских бурят забыть о том, что в Китае они являются отдельной этнокультурной группой. Как утверждают некоторые из них, причиной подобного развития событий является то, что даже в самые неблагоприятные годы они чувствовали неразрывную связь со своей исторической родиной, с Россией. Шэнэхэнцы при этом верили, что и в Китае, и в Монголии, на территории которых они оказались волею исторических судеб, они в каком-то смысле являются проповедниками европейской культуры и прогресса. На самом деле, здесь присутствует определенный парадокс. В то время как в России шэнэхэнцам с недавних пор вменяется роль хранителей бурятской старины, в Китае они во многом до сих пор воспринимаются как адвокаты прогресса, чей вклад в развитие культуры окружающих их народов никогда и никем не отрицается (Бао Лифан, 2003. С. 86). Любопытно, что иногда в шутку, а иногда и всерьез они даже настаивают на том, что именно наличие в их языке множества русских заимствований, значение которых было не ясно ни китайцам, ни монголам, также способствовало тому, что им удалось сохранить свою самобытность перед лицом и тех, и других.

Именно этот, до сих пор несправедливо игнорируемый исследователями внутри России фактор, как нам представляется, может пролить свет не

только на проблему сохранения бурятской культуры в Шэнэхэне в прошлом, но и помочь отыскать ответ на вопрос, который будет сформулирован во второй части данной работы. Как случилось, что и в наше время, несмотря на повсеместную модернизацию, коммерциализацию и настойчиво проводимую властями Китая политику унификации, несмотря даже на резко возросшую социальную мобильность населения и все те искушения, что несет в себе развитие рыночной экономики и коммуникационная революция, шэнэхэнские буряты продолжают с успехом отстаивать свое право на культурную самобытность?

Сохранение традиционной культуры в условиях реформ

В последние десятилетия в Китае происходят важнейшие перемены, которые не просто обеспечивают беспрецедентный рост показателей экономического и социального развития, но и способствуют коренной ломке общественных отношений, в том числе и в среде малочисленных народов страны. В рамках политики по переходу на рыночные отношения, основной движущей силой, бенефициаром которой выступает ханьское большинство, малым народам, проживающим на периферии государства, в принудительном порядке навязываются модели и парадигмы, которые зачастую являются чуждыми их традиционной культуре. Культ материального благополучия, безудержное потребление и нещадная эксплуатация природных и культурных ресурсов, являющиеся прямым следствием новой экономической политики Китая, провозглашаются единственно возможными и универсальными ценностями. Те, кто по каким-то причинам отказывается принимать участие в этом социальном эксперименте, объявляются неудачниками, те же, кто включается в эту «игру по чужим правилам», довольно быстро растворяются в обширном ханьском море, не в силах выдержать конкуренцию в навязываемой им борьбе за выживание.

Удивительно, но небольшая по размерам и архаичная с точки зрения социального развития этнолокальная группа шэнэхэнских бурят в этих новых условиях оказывается не просто верной сво-

им корням, но и в какой-то степени даже становится выгодоприобретателем новой экономической политики государства. В то время как повсеместно в Китае семейно-родовой характер общественных отношений стигматизируется, крепкие внутрисемейные узы шэнэхэнских бурят оказываются не тормозом на пути экономического развития, а, скорее, его дополнительным двигателем. Дело в том, что благодаря политике экономической открытости и, в частности, созданию в 1992 году зоны приграничного экономического сотрудничества «Маньчжурия», находящейся в непосредственной близости от мест компактного проживания шэнэхэнских бурят, им удалось извлечь максимум выгоды из трансграничной торговли. В ситуации, когда за рубежом, на территории расположенных неподалеку Монголии и России у многих шэнэхэнцев имеются близкие родственники, с которыми можно вести бизнес на основе доверия, а владение бурятским языком гарантирует эффективность коммуникации там, где у китайцев или русских возникают проблемы, именно сохранность традиционной культуры, в том числе языка, и крепость семейных уз становятся конкурентным преимуществом.

Как правило, осуществление в Китае, в местах компактного проживания малых народов, политики развития приводит к тому, что включившиеся в борьбу за социальные и экономические привилегии коренные жители этих регионов начинают терять свою культуру и свой язык вследствие того, что они начинают встраиваться в образовательную систему государства. В прошлом, одной из причин сохранности культуры у коренных народов Китая, не исключая и шэнэхэнских бурят, являлось то, что в условиях невозможности выхода за пределы своей социо-культурной ниши у них просто не было потребности учить китайский язык. По мере того как такие возможности стали постепенно появляться в процессе экономического развития страны, процесс утери малыми народами Китая своих языковых компетенций резко интенсифицировался. При этом в среде бурят данный процесс не наблюдается, и степень владения бурятским языком продолжает оставаться очень высокой [ПМА]. Как представляется, это является прямым следствием

того факта, что именно владение бурятским языком гарантирует им возможность получения образования на территории России, что в дальнейшем подразумевает и хорошие перспективы карьерного роста, причем как в Китае, так и в РФ. Как отмечает в своей статье Д.В. Цыбикдоржиев: «Тяга к образованию, давно став частью этнического самосознания, является одним из стимулов к возвращению в Россию для бурят КНР» (Цыбикдоржиев, 2009. С. 86). В результате, образовательные стратегии практикующих родной язык шэнэхэнцев оказываются эффективнее, чем стратегии их соседей по Внутренней Монголии. Для последних возможность обучения в России оказывается труднореализуемой, а единственным выходом является прилежное изучение китайского. В условиях КНР, это означает постепенную утрату родного языка.

Наконец, похвальная приверженность предметам традиционной материальной культуры в условиях рыночной экономики и наличие спроса на эти товары за рубежом также оказывается прибыльной. Расцвет уже упоминавшихся выше заведений общепита, основу ассортимента которых составляют ставшие легендарными в России «шэнэхэнские буузы», а также пошив традиционной бурятской одежды, которым с успехом занимаются у нас в стране шэнэхэнцы, дают основание утверждать, что следование традиции также может стать успешной экономической стратегией в случае, если традиционные навыки, сохранившиеся в одной стране, оказываются востребованными в другой. Следует особо подчеркнуть, что подобный бизнес, призванный удовлетворять потребности людей в предметах их собственной культуры, коренным образом отличается от производства сувенирной продукции, при котором производимые товары и услуги обладают лишь символическим смыслом. В последнем случае традиция выставляется на продажу, происходит подмена значения вещей, и на выходе рождается эрзац культуры, подменяющий ее истинный смысл. Именно этим можно объяснить то, что в то время как туризм повсеместно приводит к вырождению традиционной культуры, деловая активность шэнэхэнских бурят приводит к росту ее востребованности среди самих бурят и, таким образом, ее постоянному развитию.

Граница как способ сохранения самобытности

Следует подчеркнуть, что и в ситуации с развитием бизнеса на основе трансграничных семейных связей, и в случае с использованием бурятского языка в образовательных стратегиях шэнэхэнских бурят, и даже при открытии заведений общепита с ярко выраженным национальным колоритом, важным фактором, гарантирующим выживание и развитие бурятской культуры в условиях глобализации и гомогенизации, является наличие разности потенциалов по разные стороны государственной границы. Именно граница, а точнее выделенное ею разделение единого бурятского этноса, оказывается тем незаменимым ресурсом, что позволяет народной культуре выжить и развиваться, несмотря на давление со стороны государства. Граница помогла эмигрировавшим в начале XX века в Китай агинским бурятам сохранить свою культуру в относительной неприкосновенности в течение всего того времени, пока советское государство предпринимало попытки искоренить любые национальные и религиозные различия. Та же самая граница помогает шэнэхэнским бурятам в настоящее время, когда экономическая и социальная экспансия уже китайского государства ставит под угрозу существование самобытных культур малых народов этой страны. Двусмысленность положения шэнэхэнских бурят, при которой с политической точки зрения они являются подданными Китая, в то время как культурно их можно и сейчас относить к России, позволяет им умело балансировать между двумя государственными огнями, используя присущую любому пограничью неопределенность для того, чтобы уберечь свою самобытность от внешнего вмешательства. Как оказывается, жизнь на *границе*

может обеспечивать определенное материальное благополучие. Обеспечивать только в том случае, если живущие в приграничье люди в состоянии воспользоваться всеми теми преимуществами, что дает им существование в сумеречной контактной зоне на границе двух стран. М.Н. Балдано утверждает, что: «важный ресурс шэнэхэнцев – использование опыта жизни *в двух мирах*, китайском и российском» (Балдано, 2015. С. 293). Нам же, в свою очередь, представляется, что уникальность опыта бурят Шэнэхэна, которым не просто удалось избежать ассимиляции со стороны русских, китайцев или монголов, но и умело использовать свой несколько двусмысленный статус, состоит немного в ином. Ценным для нас является то, что их стратегия культурного выживания оказалась успешной потому, что им удалось в полной мере использовать то преимущество, что предоставило им существование «*между миров*».

В этой связи любые попытки лишить их привилегии обладания одновременно двумя родинами может привести к печальным последствиями для того самого созданного ими на территории Китая «заповедного уголка» бурятского мира. Лишившись своего статуса представителей прогресса в Китае или окончательно превратившись в хранителей бурятской старины в России, шэнэхэнцы рискуют потерять то самое главное, что создало их как особую этнокультурную группу и позволило оставаться неассимилированными в течение столь долгого времени, – границу. Границу, представляющую убежище в случае опасности и предоставляющую возможность самостоятельного развития в случае сильного давления извне. Другими словами, границу, позволяющую им быть одновременно и тут, и там, в то же самое время не принадлежать ни тому, ни другому.

Статья поступила 06.10.2017 г.

Article was received in October, 06, 2017

Библиографический список

Балдано М.Н. Процесс национального строительства в современной Бурятии: трансграничные вызовы – риски и возможности // Трансграничные вызовы национальному государству /науч. и лит. ред. С.А.Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2015. С. 282–304.

Бороноева Д.Ц. Очерки истории и культуры бурят Внутренней Монголии КНР. Улан-Удэ : Изд-во Бурятско-

References

Baldano M.N. The Process of Nation-building in Modern Buryatia: transborder challenges – risks and opportunities. *Transgranichnye vyzovy natsional'nomu gosudarstvu* [Transborder Challenges to National State]. St. Petersburg.: Intersotsis Publ., 2015, pp. 282–304. (In Russian).

Boroneeva D.Ts. *Ocherki istorii i kul'tury buryat Vnutrennei Mongolii KNR* [Essays on History and Culture of the

го госуниверситета, 2000. 138 с.

Бороноева Д.Ц. Концепт «Родина» в идеологии и практике бурятских диаспор // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 319. № 6. С.186–190.

Цыбикдоржиев Д.В. Буряты КНР и Монголии как возможные участники программы возвращения соотечественников // Власть. 2009. № 3. С. 85–87.

«Шэнэхээн бууса» встречает гостей // Агинская правда. 2013. 17 сент.

Baldano M. People of the Border: The Destiny of the Shenehen Buryats // Bille F., Delaplace G., Humphrey C. (eds.). Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. p.183–198.

包路芳. 布里 特蒙古族及其研究概述. Бао Лүфан. Булиятэ Мэнгүцзү цзи ци яньцзю гайшу [Бурят-монголы и краткое описание их исследования]. Цинхай миньцзю яньцзю. 2003. Т.14. № 2. С. 84–90. (на кит. яз.)

徐占江等主. 中国布里 特蒙古人. Сюй Чжанцзян и др. (ред.) Чжунго Булиятэ Мэнгүжэнь [Монгол-буряты Китая]. Хулунбуир: Нэймэнгу Чубаньшэ, 2009. 362 с. (на кит. яз.)

Источники

[ПМА] – полевые материалы автора. Эвенкийский автономный хошун, городской округ Хулун-буир, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР; Агинский Бурятский округ, Забайкальский край, Россия. Январь – март 2017 г.

Сведения об авторе

Максим Сергеевич Михалев,
кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований,
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, д. 32а,
e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Критерии авторства

М.С. Михалев выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и документы к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Buryats of PRC and Inner Mongolia]. Ulan-Ude: Buryatskogo gosuniversiteta Publ., 2000. 138 p.

Boronoeva D.Ts. The Concept of “Motherland” in ideology and practices of Buryat diaspora groups. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk Polytechnic University], 2011, vol. 319, no. 6, pp. 186–190. (In Russian).

Tsybikdorzhiev D.V. Buryats of China and Mongolia as possible participants of compatriots repatriation program. *Vlast'* [Power], 2009, no. 3, pp. 85–87. (in Russian).

“Shenekheen buusa” vstrechaet gostei [“Shenekheen buusa” welcomes guests]. *Aginskaya Pravda*, 2013, 17 September. (In Russian).

Baldano M. People of the Border: The Destiny of the Shenehen Buryats. Bille F., Delaplace G., Humphrey C. (eds.). Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. p. 183–198.

包路芳. 布里 特蒙古族及其研究概述. Бао Лүфан. Булиятэ Мэнгүцзү цзи ци яньцзю гайшу [Бурят-монголы и краткое описание их исследования]. Цинхай миньцзю яньцзю, 2003. Vol.14, no. 2, pp. 84–90. (In Chinese).

徐占江等主. 中国布里 特蒙古人. Сюй Чжанцзян и др. (ред.) Чжунго Булиятэ Мэнгүжэнь [Монгол-буряты Китая]. Хулунбуир: Нэймэнгу Чубаньшэ, 2009. 362 p. (In Chinese).

Sources

Field Materials. Evenk autonomous banner, Hulunbuir city, Inner Mongolia Autonomous District, China; Agin-Buryat Okrug, Zabaykalsky Krai, Russia. January – March 2017.

Information about the author

Maxim S. Mikhalev,
Candidate of Sciences (Jurisprudence), aspirant Doctor Degree in the Center for Asian and Pacific Studies,
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
32a Leninskiy ave., Moscow 119991, Russian Federation,
e-mail: maxmikhalev@yahoo.com

Attribution criteria

Mikhalev M.S. made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and documents for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.